

Кто бы мог подумать, что Чжэн Цзюньсинь покачала головой и сдавленным голосом произнесла:

— С тех пор как я себя помню, я бродила по той улице, бродила очень долго. Я помню ясно: никто за мной не приходил. Я там кричала и звала, меня били и ругали, гнали прочь, но никто не выходил меня защищать, не говорил, что я их родня. Если бы они действительно любили меня, они бы не бросили меня там и не оставили бы искать. Они бросили меня так надолго, что даже если бы они пришли за мной сейчас, я бы не хотела их!

Тан Линъи вздрогнула, сердце её сжалось от боли.

Сколько же страданий пришлось пережить этой дурочке, чтобы произнести такие слова, которые, казалось, не должны были исходить от неё? Такая девушка, как она, должна была быть счастливой и беззаботной.

Чжэн Цзюньсинь ухватила за её рукав и, всхлипывая:

— А-Лин, не прогоняй меня~

У Тан Линъи на душе стало кислой и горько, словно её ударили в грудь.

На лице она ничего не показывала, храня холодное и отстранённое выражение:

— Если ты не хочешь уходить, можешь остаться, но при условии, что выполнишь одно моё требование.

Она была словно голодный серый волк, осторожно заманивающий мягкого белого кролика в ловушку.

И, как и ожидалось, наивный кролик энергично закивал. Тан Линъи почувствовала, как воздух задвигался от этого движения.

— Да-да, я согласна!

Она даже не знала, в чём условие, эта дурочка! — мысленно усмехнулась Тан Линъи.

Воспользовавшись моментом, она снова потрепала кролика по голове.

— С завтрашнего дня ты начнёшь учиться читать и писать, различать добро и зло. Я лично буду тебя учить. Ты согласна?

Тан Линъи перестала дразнить её и вернулась к своему обычному мягкому тону, спросив вполне серьёзно.

Чжэн Цзюньсинь, не задумываясь, кивнула:

— Угу, я согласна!

— Ты должна понимать, что не сможешь передумать, — любезно напомнила ей Тан Линъи.

— Полько А-Лин не прогоняет меня, я никогда не передумаю! Давай, пообещаем на мизинчиках!

Тан Линъи протянула в воздух мизинец, её улыбка была ослепительной.

Чжэн Цзюньсинь тоже протянула свой мизинец и, зацепившись им за её, произнесла слово за словом:

— Пообещали на сто лет, и ничто не изменится!

В первый день занятий Чжэн Цзюньсинь проспала.

Тан Линьби с досадой слушала её ровное дыхание, раздававшееся по всей комнате, и на мгновение не знала, что сказать.

Хунмэй, стоявшая рядом, едва сдерживала смех, но, встретившись взглядом с Тан Линьби, тут же привела себя в порядок, закашлявшись, будто ничего не произошло.

Хунмэй спросила:

— Разбудить госпожу Цзюньсинь?

— Не надо.

Тан Линьби остановила её, и они тихо вышли из комнаты.

Конечно, неизбежное всё равно должно было произойти. Днём Чжэн Цзюньсинь в спешке собралась и побежала в Осенний двор, где жила Тан Линьби.

Увидев Тан Линьби, сидящую за письменным столом и ждущую её уже полдня, Чжэн Цзюньсинь почувствовала, как холодный ветерок пробежал по спине, и ей стало не по себе.

Тан Линьби услышала её шаги — только её шаги в этой усадьбе были такими живыми и лёгкими.

— Ты пришла, — Тан Линьби улыбнулась зловеще.

— ...

Чжэн Цзюньсинь внезапно почувствовала холод.

В итоге Чжэн Цзюньсинь мучилась весь день.

Тан Линьби заставила её переписать двадцать раз «Предисловие к Павильону орхидей».

Для обычного человека двадцать раз — пустяк, но для Чжэн Цзюньсинь, только начинающей учиться грамоте, это было более чем достаточно.

Чжэн Цзюньсинь не умела писать, все пять пальцев сжимали кисть. Она посмотрит на книгу, нарисует чёрточку, снова посмотрит на книгу, затем проведёт следующую.

Прошёл весь день, а Чжэн Цзюньсинь переписала только четверть.

По пути она ещё и устроила детскую истерику, но не посмела бросить кисть, боясь испортить вещи А-Лин. Аккуратно положив её, она начала капризничать перед Тан Линьби.

С тех пор как она обнаружила, что капризы перед Тан Линьби действуют, она часто использовала этот приём.

Тан Линъи не обращала внимания. Капризы превратились в истерику, и Тан Линъи холодно бросила:

— Разве ты не говорила, что хочешь остаться и хорошо учиться? Ты уже взрослая, не можешь передумывать.

Чжэн Цзюньсинь, словно облитая холодной водой, сразу же успокоилась, и её нытье резко оборвалось.

Смирившись, она взяла кисть и начала криво выводить иероглифы.

Чжэн Цзюньсинь переписывала семь дней. Каждый день, как только всходило солнце, она начинала писать и останавливалась только на закате, так и продолжая без перерыва, пока не закончила.

Тан Линъи, держа книгу, заставляла Хунмэй читать ей вслух и сопровождала её, под предлогом надзора.

С тех пор Чжэн Цзюньсинь больше не смела валяться в постели.

Тан Линъи же, слушая, как Хунмэй читает по слогам и спотыкается на каждом слове, чувствовала головную боль.

— Мисс, почерк госпожи Цзюньсинь действительно похож на полёт дракона и танцы феникса, он настолько свободен, что я ничего не понимаю, — Хунмэй, всегда прямолинейная, быстро высказала своё мнение.

Очевидно, она больше не хотела страдать от этого почерка.

— А она писала старательно?

— Старательно, писала каждую чёрточку, сверяясь с книгой, но почему-то результат получился таким уникальным, словно калейдоскоп.

Это тоже можно считать талантом. Тан Линъи представила, как она пишет, и, покачав головой, улыбнулась.

— Ничего, время ещё есть, не спеша.

— Мисс, можно я задам вам вопрос? — Хунмэй, убирая вещи со стола, продолжила.

— Ты хочешь спросить, почему я учу её читать и писать?

— Да. Хотя грамота — это хорошо, для госпожи Цзюньсинь это может быть не так полезно.

Хунмэй знала о добрых намерениях своей госпожи, но для девушки с умственным развитием десятилетнего ребёнка это, возможно, не пригодится. Она так и останется на уровне десятилетнего ребёнка, не понимая сложных книжных знаний.

— На самом деле она очень умная девочка. Даже если её ментальный возраст — десять лет, она проявляет интеллект выше этого возраста. Я верю, что она сможет хорошо учиться.

Дотронувшись до уже остывшей чашки с чаем, она подняла её и сделала глоток, затем добавила:

— К тому же, знания всегда полезны. Где бы она ни оказалась в будущем, с кем бы ни столкнулась, эти знания могут ей помочь.

— Да, мисс, я поняла. Надеюсь, госпожа Цзюньсинь тоже оценит ваши добрые намерения, — с горячностью посмотрела Хунмэй на свою госпожу.

Тан Линьби улыбнулась, не соглашаясь и не отрицая.

— Кстати, как там с поручением Сяо Хун узнать о её происхождении?

— Уже нашли некоторые зацепки, сейчас отправили людей для проверки и подтверждения. Но этот человек имеет некоторое отношение к старшей мисс, — ответила Хунмэй.

— Ммм?

Тан Линьби легла на кушетку и попросила Хунмэй принести белую шелковую ленту, чтобы накрыть ею глаза.

Холодная подвеска коснулась лица, она глубоко вздохнула и продолжила слушать отчёт Хунмэй.

В этот день Чжэн Цзюньсинь, как обычно, пришла в Осенний двор. Она обнаружила, что Тан Линьби не стоит за письменным столом в ожидании её.

— Туаньтуань.

Ежедневно слышимый мягкий голос раздался сзади.

Поскольку лицо Чжэн Цзюньсинь было круглым, как шарик, и она любила бегать и играть, Тан Линьби дала ей такое прозвище.

Чжэн Цзюньсинь не обиделась, наоборот, ей понравилось прозвище, данное Тан Линьби.

Хунмэй, стоявшая рядом и растиравшая тушь, услышав это, подшутила над своей госпожой:

— Мисс, если госпожу Цзюньсинь зовут Туаньтуань, то вас, наверное, стоит звать Юаньюань? Туаньтуань и Юаньюань.

— Хахахахаха!

Эти слова вызвали взрыв смеха у всех присутствующих, и они начали поддакивать.

Тан Линьби тоже не разозлилась, лишь притворно рассердившись:

— Хунмэй, с тех пор как у тебя появилась поддержка, ты стала всё более бесцеремонной. Если так пойдёт дальше, мне придётся наказать твою поддержку.

Все снова рассмеялись, выставив вперёд покрасневшую Жун Ань.

Сяо Хун, наполовину опираясь на свою подругу, с улыбкой смотрела на них:

— Я согласна, я уже давно наблюдаю за их слащавыми отношениями, мне уже глаза болят.

— Хахахахаха!

Хунмэй и Жун Ань, смущённые, вышли за дверь, а за их спинами все смеялись ещё громче.

Сяо Хун, видя, что писание почти закончено, встала, взяла написанное Чжэн Цзюньсинь и прочитала вслух всем.

Было очень весело и дружелюбно.

Все восприняли шутку мисс Тан просто как шутку, и больше никто так не называл Чжэн Цзюньсинь, только Тан Линъи продолжала называть её «Туаньтуань».

Вернёмся к настоящему.

Чжэн Цзюньсинь обернулась и увидела, что Тан Линъи стоит у входа во двор, за ней стоит группа людей, и она манит её подойти.

В руках у неё был очень красивый воздушный змей в форме бабочки, раскрашенный множеством ярких цветов, с несколькими усиками, свисающими по бокам. Когда дул ветер, бабочка поднималась в воздух, выглядя как живая.

Центр воздушного змея был связан с ниткой, конец которой Тан Линъи мягко держала в руке.

Тан Линъи подумала, что ей это должно понравиться.

Ведь Чжэн Цзюньсинь однажды говорила, что хочет поиграть с воздушным змеем. Она видела, как много детей запускают их, и тоже хотела, но они не давали ей играть, называя её большой душой.

<http://bllate.org/book/16867/1554106>